ГОДЪ ВТОРОЙ. АВГУСТЪ 9 1881.

№ 31

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
безъ дост. . . 5 » — »
На полгода. . . . . 3 » 50 »
На три мѣсяца. . . . . 2 » — »
Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Біографія графа Ѳ. П. Толстого. ***.—II. Императоръ Николай Павловичъ въ Римѣ. **Т. Пассекъ.**

ГРАФЪ ѲЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

ШМЯНЫ было небольшое бѣдное мѣстечко, въ осьми верстахъ отъ Вильны. Тамъ Петръ Александровичъ занималъ довольно помѣстительный деревянный домъ. Туда и привезли маленькаго графа. Первое время, несмотря на ласки и вниманіе дяди и жены его, женщины доброй и хорошей, графъ сильно грустилъ по родителямъ, сестрѣ и вообще по своемъ домѣ, но мало по малу сталъ свыкатся съ сво-

имъ новымъ положеніемъ, и, по ребячеству, совсѣмъ утѣшился, когда ему подарили прекрасную лошадку и посадили на нее. Блестящія же посѣщенія богатыхъ пановъ заняли его окончательно.

Петръ Александровичъ поручилъ надзоръ надъ племянникомъ своему адъютанту, Иванову, и камердинеру французу, которому, сверхъ надзора, велѣлъ заниматься съ ребенкомъ чтеньемъ, писаньемъ и разговорамъ по французски. Что же касается серьезныхъ наукъ, то о нихъ не было и рѣчи. Лучшему берейтору приказано было учить графа верховой ѣздѣ, къ которой онъ оказывалъ необыкновенную способность, и, несмотря на свой дѣтскій возрастъ, въ верховой ѣздѣ былъ лучшимъ ученикомъ. Берейтора онъ любилъ больше всѣхъ изъ окружавшихъ его. Располагая устроить племяннику блестящую военную карьеру, при посредствѣ дяди своего, фельдмаршала Салтыкова, Петръ Александровичъ больше всего заботился образовать изъ графа хорошаго кавалериста. Онъ рачительно слѣдилъ за его верховой ѣздой, бралъ его на всѣ полевыя и эскадронныя ученья, и даже на охоту за зайцами, которую очень любилъ.

Въ свободное время отъ этихъ занятій, маленькій графъ не разставался съ карандашемъ и красками.

Спустя года два, по чьему-то совѣту, графа Ѳедора Петровича, отдали учиться въ знаменитую полоцкую школу, находившуюся при костелѣ іезуитскаго монастыря, одного изъ богатѣйшихъ монастырей Польши. Его помѣстили на жительство у коменданта Полоцка, Дуве, откуда онъ долженъ былъ каждый день ходить въ училище, гдѣ былъ порученъ особенному вниманію настоятеля монастыря и главнаго начальника школы—патеру Груберу, извѣстному, въ то время, своимъ обширнымъ умомъ и ученостію. Жить у коменданта графу было хорошо. Дуве и жена его были люди пожилые и добрые; дѣтей у нихъ не было, они полюбили графа и старались доставлять ему всевозможныя удовольствія. Дядя прислалъ ему въ Полоцкъ двухъ лошадей: одну для верхо-

вой ѣзды, другую для экипажа, а вмѣстѣ съ лошадьми и драгуна, чтобы смотрѣть за ними. Конечно, ребенокъ, несмотря на то что учился прилежно и дѣлалъ большіе успѣхи, лошадямъ былъ радъ безконечно. Онъ почти ежедневно ѣздилъ верхомъ, а на выѣздной лошади катался въ своемъ экипажѣ съ дѣтьми полоцкаго губернатора, съ которыми дружески сошелся, часто бывалъ у нихъ въ домѣ и танцовалъ на ихъ вечерахъ и балахъ.

Графъ танцовалъ такъ же хорошо, какъ и мастерски ѣздилъ верхомъ.

Николай Ивановичъ Салтыковъ обѣщалъ, когда графъ окончитъ свое ученье въ школѣ, взять его къ себѣ въ адъютанты, а по тогдашнему уставу, кто поступалъ въ адъютанты къ фельдмаршалу, тотъ получалъ чинъ премьеръ-маіора. Такая будущность открывала графу, еще въ юные лѣта, блестящую карьеру, но судьба рѣшила иначе.

Когда вступилъ на престолъ императоръ Павелъ Петровичъ, то Петру Александровичу велѣно было сдать полкъ и явится въ Петербургъ. Уѣзжая въ Петербургъ, онъ взялъ съ собою и графа Ѳедора Петровича.

Радость ребенка, при свиданіи съ родными, была безмѣрна; но оставатся въ родительскомъ домѣ ему пришлось недолго. По совѣту родственика Толстыхъ—Перфильева, двѣнадцатилѣтняго графа помѣстили въ морской кадетскій корпусъ, считавшійтя тогда лучшимъ изъ корпусовъ. Директоромъ этого корпуса былъ заслуженный Екатерининскій генералъ Логинъ Ивановичъ Кутузовъ.

Въ корпусѣ графъ учился такъ успѣшно, что въ 1800 году былъ произведенъ въ гардемарины. Лѣтомъ, вмѣстѣ съ другими гардемаринами, онъ былъ отправленъ изъ Кронштата, для практики, въ море.

Эта гардемаринская компанія должна была крейсировать по всему балтійскому морю осмотрѣть всѣ важные порты и замѣчательныя мѣста. По совершеніи плаванія, графъ про-

должалъ съ прежнимъ стараніемъ заниматься науками, особенно же математикой, даже высшей, уроки которой давалъ ему профессоръ Фусъ. Въ 1802 году онъ блистательно окончилъ курсъ своего ученія, выпущенъ былъ съ чиномъ мичмана въ гребной флотъ, и, со времени кончины императрицы Екатерины II, первый во всемъ войскѣ назначенъ былъ адъютантомъ къ морскому министру Чигагову. Но горѣвшая въ ребенкѣ искра любви къ искуству не угасала. Во время всѣхъ учебныхъ занятій своихъ и служебныхъ обязанностей, преобладающая наклонность къ искусствамъ проявлялась при каждомъ удобномъ случаѣ.

Однажды отецъ графа привезъ ему камей, съ изображеніемъ Наполеона I; съ этого камея графъ, на столѣ, вылѣпилъ изъ воска, подкрасивши его въ тѣлесный цвѣтъ, такую вѣрную копію, что Фусъ, увидавши ее, призналъ въ немъ рѣшительный талантъ къ художеству и, желая вполнѣ убѣдится въ этомъ, предложилъ ему скопировать бронзовую медаль; графъ снялъ съ медали копію на аспидной доскѣ съ такой точностію, что Фусъ посовѣтовалъ ему поступить въ академію художествъ, въ медальерный классъ; графъ послѣдовалъ его совѣту и сталъ посѣщать медальерный классъ въ академіи, какъ только позволяла служба. Это былъ первый шагъ, сдѣланный графомъ на томъ пути, на который увлекалъ его врожденный талантъ и на которомъ онъ впослѣдствіи превзошелъ славнѣйшихъ медальеровъ своего времени.

Въ одно утро вошелъ въ медальерный классъ талантливый профессоръ, скульпторъ Прокофьевъ; увидѣвши флотскаго офицера, занимавшагося лѣпкой, онъ внимательно разсмотрѣлъ его работу и спросилъ его фамилію; узнавши о страстномъ желаніи молодого человѣка учиться художеству, посовѣтовалъ ему взять билетъ на посѣщеніе художественныхъ академическихъ класовъ и учиться искусству основательно, по курсу, принятому академіей. На другой день графъ получилъ билетъ и явился въ рисовальный классъ; это было его вторымъ шагомъ на пути искусствъ. Съ этого времени

онъ сталъ въ опредѣленные часы, каждый день, ходитъ въ академическіе классы, а дома, въ свободные часы, лѣпилъ изъ воска портреты съ натуры. Послѣ перваго опыта, графъ былъ помѣщенъ въ рисовальный классъ съ оригиналовъ цѣльныхъ фигуръ; недѣли черезъ три его перевели въ классъ гипсовый, гдѣ рисовали съ бюстовъ, подъ руководствомъ академиковъ. Здѣсь онъ сблизился съ однимъ изъ лучшихъ рисовальщиковъ натуральнаго класса, Орестомъ Адамовичемъ Кипренскимъ. Кипренскій полюбилъ графа и сдѣлался его руководителемъ въ трудномъ дѣлѣ начинающихъ. Тѣмъ болѣе оно было затруднительно для графа: большая часть профессоровъ и академиковъ смотрѣла вообще на приходящихъ недоброжелательно, и еще непріязненнѣе на графа, да еще въ военномъ мундирѣ. Они находили въ этомъ оскорбленіе искусства. Видя горячее желаніе молодого человѣка учиться, Кипренскій, каждый вечеръ, заходилъ къ нему въ гипсовый классъ и такъ усердно объяснялъ ему лучшій способъ рисовать съ гипсовъ, что черезъ три мѣсяца графъ перешелъ въ классъ гипсовыхъ фигуръ, а еще черезъ два мѣсяца былъ переведенъ въ классъ натурный. Благодаря совѣтамъ Кипренскаго, онъ скоро освоился съ рисовкою съ натуры, а для усовершенствованія себя въ техникѣ, приходя домой рисовалъ на память натуру, поставленую въ классѣ.

Такимъ образомъ онъ поступалъ при каждой новой позѣ натурщиковъ и при постановкѣ группъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ много рисовалъ съ находившихся въ академіи гипсовыхъ анатомій и ходилъ въ античныя галлереи академіи, гдѣ рисовалъ съ античныхъ статуй. Обладая отъ природы тонкимъ чувствомъ прекраснаго, работая въ античныхъ галлереяхъ—онъ восхищался красотою формъ и позами произведеній древней Греціи и изяществомъ, выражавшимся какъ въ ея статуяхъ, такъ и въ барельефахъ, саркофагахъ, вазахъ, чашахъ, канделабрахъ, жертвенникахъ, лампахъ, мебели, музыкальныхъ инструментахъ и т. д. Со всѣхъ этихъ произведеній классическаго міра онъ такъ много рисовалъ,

такъ долго изучалъ ихъ и такъ увлекся древней Греціей, что сталъ читать и изучать все, что было писано о нравахъ и народныхъ обычаяхъ древнихъ народовъ, о ихъ внѣшней и домашней жизни, храмахъ, публичныхъ зданіяхъ, домахъ, съ ихъ изящными украшеніями, съ домашней утварью, женскими костюмами, головными уборами, съ военной и обыкновенной одеждой мусчинъ, оружіемъ, колесницами, и до послѣднихъ предметовъ, употребляемыхъ въ домашнемъ быту, какъ-то: безмѣнами, вѣсами, молотками, гвоздями, которымъ древніе греки также старались придавать красивую форму. Красота, содержащаяся въ изящности природы—осуществлялась до послѣдней мелочи этимъ народомъ, привыкшимъ во всемъ выражать собою идею красоты.

„Рисованье, вмѣстѣ съ изученіемъ, открыло предомной, говоритъ графъ въ своихъ запискахъ, цѣлый міръ античной прелести и способствовало основательно вникнуть въ него". Онъ овладѣлъ этимъ предметомъ до того полно, что на всѣхъ произведеніяхъ его легла печать, какъ глубокаго знанія древняго искусства, такъ и богатства археологическихъ и анатомическихъ свѣдѣній.

Дома графъ продолжалъ лѣпить портреты, которые находили очень схожими; сочинялъ и лѣпилъ группы, одиночныя фигуры и барельефы; сюжеты бралъ изъ древней исторіи, греческой миѳологіи и изъ преданій гомерическихъ вѣковъ.

Познанія, полученныя графомъ въ морскомъ корпусѣ и академіи художествъ, умноженныя чтеніемъ всего, что помогаетъ развитію художественнаго чувства,—не удовлетворяли его; сверхъ этого, онъ сталъ слушать публичныя лекціи статистики, политической экономіи и естественныхъ наукъ; изучалъ русскихъ поэтовъ и писателей, какъ прежнихъ временъ, такъ и современныхъ ему; со многими изъ послѣднихъ былъ очень близокъ, посѣщалъ литературныя общества и считался въ нихъ постояннымъ членомъ. „Слишкомъ двадцати лѣтъ, я продолжалъ учиться, какъ школьникъ", самъ о себѣ говорилъ графъ.

Во все время своей морской службы, графъ, при малѣйшей качкѣ, страдалъ морской болѣзнью, поэтому намѣренъ былъ ее оставить и поступить въ кавалерію, такъ какъ онъ любилъ верховую ѣзду, въ вольтижировкѣ обладалъ большой ловкостію и превосходно дрался на рапирахъ.

Исполнить этотъ планъ ему не удалось. Императоръ Александръ Павловичъ, увидавши на выставкѣ художественныя работы графа, изъявилъ желаніе, чтобы онъ шелъ путемъ художника.

Графъ, исполняя волю государя, совпавшую съ его призваніемъ, въ 1806 году подалъ въ отставку и получилъ ее съ чиномъ лейтенанта и съ мундиромъ.

Оставшись безъ службы, графъ остался и безъ средствъ къ жизни. Родные съ неудовольствіемъ смотрѣли на избранную имъ карьеру художника. Какъ? графъ Толстой, членъ одной изъ аристократическихъ фамилій—художникъ? онъ проводитъ дни и ночи за работой? унижаетъ свое достоинство, онъ, которой могъ бы дослужиться почетнаго положенія, до чиновъ, жить покойно; онъ человѣкъ свѣтскій, образованный, снизошелъ до собственно ручного труда. По ихъ мнѣнію, это ставило его внѣ его круга родныхъ и знакомыхъ—и всѣ отстранились отъ него, и сталъ молодой графъ отщепенцемъ среди своихъ.

Оставшись съ немногими друзьями, молодой художникъ вступилъ въ кругъ новый, съ любовью къ искусству, съ свѣжими силами, съ вѣрою въ него. Скромная, бѣдная квартира замѣнила барскія палаты; идеальные типы художественной красоты—свѣтскій блескъ;—общество людей науки — кругъ аристократовъ.

Обладая умомъ свѣтлымъ, характеромъ независимымъ и твердымъ, графъ, разъ вступивши на путь художника, несмотря ни на что, шелъ по немъ неуклонно и сталъ еще съ большей любовью, еще глубжѣ изучать міръ классическій, вникая въ смыслъ его, чтобы получить пол-

ную, вѣрную, отчетливую картину его быта, не дѣлая шага безъ строгаго анализа, руководствуясь не увлеченіемъ восторга, а научнымъ знаніемъ.

Родственники графа, по значенію своему при дворѣ, еслибы хотѣли, то могли бы помочь ему въ устройствѣ его новаго положенія, но они этого не хотѣли и не сдѣлали. Онъ встрѣтилъ участіе въ Николаѣ Николаевичѣ Новосильцевѣ и черезъ посредство его былъ опредѣленъ при Эрмитажѣ, съ 1500 руб. жалованья въ годъ. Это дало ему возможность вести болѣе независимую жизнь.

Въ 1809 году явилось первое замѣчательное произведеніе графа, почерпнутое изъ древняго міра; оно изображало въѣздъ Ромула въ Римъ. Въ работѣ этой высказался самостоятельный взглядъ, богатое знаніе археологіи и анатоміи, тонкость вкуса и идеальное, слитое съ натуральнымъ. Талантливость и сила воли графа обратили на него вниманіе бывшаго тогда президента академіи, графа А. С. Строганова; онъ оцѣнилъ его достоинства и, по его предложенію, 25-лѣтній лейтенантъ былъ признанъ почетнымъ членомъ академіи. Въ годъ избранію въ почетные члены, графъ женился на благородной, но очень бѣдной дѣвушкѣ, и переѣхалъ жить на Васильевскій островъ, гдѣ помѣстился въ большой деревянный домъ, и устроилъ у себя, по воскресеньямъ, вечера, на которые собирались пріятели и люди занимавшіеся науками.

Между тѣмъ обвиненія сыпались со всѣхъ сторонъ на графа-художника. Не только родные, кромѣ родителей, но и многіе изъ постороннихъ упрекали его за избранную карьеру,—говорили, что онъ связался съ какими-то нѣмецкими и русскими профессорами, и даже одѣвается не по людски. Мода того времени была не красива и не удобна по этому графъ одѣвался проще—удобнѣе не стѣсняя себя, и вмѣсто коротко остриженыхъ волосъ носилъ волосы длинные; вьющіяся отъ природы.

Въ 1810 году, по Высочайшему повелѣнію, графъ Ѳедоръ Петровичъ опредѣленъ былъ въ монетный департаментъ

по медальерной части; тамъ онъ, вмѣстѣ съ другими медальерами, занимался рѣзьбою штемпелей для грошей и, съ 7 часовъ утра и до 8 часовъ вечера, работалъ, не пренебрегая дѣломъ, столь маловажнымъ въ глазахъ медальера. Принявъ должность медальера, графъ сталъ слушать публичныя лекціи статистики, политической экономіи, исторіи и естественныхъ наукъ.

„Медальерное искусство, говоритъ графъ въ своихъ запискахъ, при поступленіи моемъ на службу въ монетный департаментъ, стояло на самой низкой ступени. Медали дѣлались рѣзчиками по достовляемымъ рисункамъ, были дурного стиля и дурного вкуса, существовавшаго во всей Европѣ со временъ Людвика XIV (короля Франціи). Въ Россіи же тогда сочинялись и производились медали съ полнымъ невѣдѣніемъ въ художествѣ и незнаніемъ ни анатоміи, ни перспективы, наполнены были безтолковыми аллегоріями, представлявшими миѳологическихъ боговъ, пирамиды, храмы гирлянды, факелы, сердца пылающія, стрѣлы и прочее. Ясно, что такую систему дѣлать медали надобно было измѣнить.

„Такъ какъ цѣль медалей передавать потомству достойныя памяти событія и дѣла, то онѣ должны быть изображаемы, говорилъ графъ, до того ясно, чтобы не было надобности въ подписи; для этого медальеру нельзя ограничиваться знаніемъ живописи, скульптуры и архитектуры—онъ долженъ знать: гравированье, ученье объ антикахъ, геральдику, химію, минералогію, исторію, чтобы строго наблюдать вѣрность мѣстности, страны, одежды того времени и тѣхъ лицъ, при которыхъ совершалось то, что должно быть изображено на медали. Если понадобится помѣстить въ медали птицъ, звѣрей, насѣкомыхъ, то необходимо, чтобы они были изображены вѣрно съ натурой, и ихъ движенья и дѣйствія, сообразно съ ихъ природой и наклонностями; для этого медальеръ-художникъ долженъ знать—зоологію. Костюмы, изображаемые на медаляхъ фигуръ людей, должны быть археологически вѣрны. Такъ какъ нерѣдко случается изобра-

жать на медаляхъ зданія, то медальеру необходимо изучить основательно правила архитектуры и перспективы".

Вотъ какую широкую программу находилъ графъ необходимою для образованія медальера-художника, но и эта программа казалась ему еще недостаточной, а между тѣмъ и та, которая была въ ходу, исполнялась очень плохо, измѣнить же укоренившуюся систему было чрезвычайно трудно.

Графъ Ѳ. П. Толстой первый вступилъ на поприще медальера съ самостоятельной идеей, образовалъ себя, сообразно своему взгляду на это искусство, и оставилъ потомству, какъ цѣлое ученіе объ этомъ искусствѣ, такъ и о томъ, чему и какъ долженъ учиться тотъ, кто желаетъ быть медальеромъ-художникомъ. Жизнь графа Толстого, какъ медальера, дополняетъ и подтверждаетъ его програму образованія медальеровъ. Программа эта въ настоящее время принята академіей художествъ.

Въ 1811 году скончался президентъ академіи художествъ, графъ А. С. Строгановъ; на его мѣсто поступилъ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, человѣкъ умный, образованный, дѣятельный. Въ домѣ Оленина графъ принятъ былъ отлично. Тамъ онъ сошелся съ писателями: Гнѣдичемъ, Крыловымъ, Плѣтневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, Гречемъ, съ двумя братьями Бестужевыми и другими. Кромѣ дома Оленина, графъ былъ дружески принятъ у Дмитрія Николаевича Блудова, какъ имъ, такъ и его умной, доброй супругой, и у Муравьевыхъ, съ сыновьями которыхъ, высокообразованными гвардейскими офицерами, онъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ.

Въ домѣ Л. И. Кутузова онъ часто видался съ графомъ Михаиломъ Илларіоновичемъ Кутузовымъ и вылѣпилъ изъ воска его портретъ.

Сверхъ обширнаго художественнаго образованія, графъ, всегда добрый, всегда юный душою, сочувствовалъ интересамъ общественной и нравственной жизни: онъ участвовалъ въ учрежденіи общества для поощренія художниковъ,

въ учрежденіи въ училищахъ Ланкастерской методы обученія, былъ членомъ масонской ложи, членомъ литературныхъ обществъ и улучшенія общественныхъ нравовъ. Патріотическія чувства свои графъ выразилъ изображеніями на медаляхъ. Какъ только было получено извѣстіе, что Наполеонъ разбитъ подъ Лейпцигомъ, онъ тотчасъ вылѣпилъ портретъ императора Александра Павловича, въ видѣ Радомысла, въ осьми-угольномъ медальенѣ. Когда пришли реляціи о вступленіе нашихъ войскъ въ Парижъ и о плѣненіи Наполеона,—онъ немедленно сталъ сочинять и рисовать въ такихъ же медальенахъ, какъ и портретъ государя, всѣ тѣ битвы, которыя по преимуществу способствовали вступленію нашихъ войскъ въ Парижъ, и, вмѣстѣ съ прежде сдѣланными имъ рисунками битвъ 12, 13 и 14 годовъ, представилъ императору. Государь былъ ими очень доволенъ и приказалъ комитету академіи наукъ разсмотрѣть, вѣренъ-ли историческій ходъ сраженій со времени вступленія Наполеона въ Россію и до окончанія войны.

Комитетъ всю коллекцію, состоявшую изъ 20-ти медальоновъ, одобрилъ и утвердилъ. Тогда государь приказалъ выдать изъ своего кабинета 20 тысячь рублей ассигнаціями, чтобы вырѣзать на мѣди формы всей коллекціи этихъ медальоновъ, отлить ихъ изъ алебастра и выпустить въ свѣтъ.

Рисунки, сдѣланные съ этихъ медальоновъ, обратили на себя вниманіе во всемъ европейскомъ художественномъ мірѣ. Англія желала, чтобы графъ въ такихъ же медальонахъ передалъ потомству и тѣ событія, въ которыхъ и она участвовала вмѣстѣ съ Россіей; но графъ отказался. Для него была близка и дорога слава только своего отечества.

Государь назначилъ графу пожизненную пенсію въ 3,000 руб. въ годъ. Петербургская академія художествъ признала его профессоромъ медальернаго искусства, а прусская академія художествъ и другія европейскія академіи изящныхъ икусствъ сдѣлали его своимъ дѣйствительнымъ членомъ.

Въ 1816 году графъ сочинилъ и вылѣпилъ изъ воска, на

аспидныхъ доскахъ, четыре барельефа изъ поэмы Гомера „Одиссея“.

Въ бытность государя Александра Павловича въ Москвѣ, по окончаніи отечественной войны, графъ поднесъ ему имъ сочиненный и вылѣпленный изъ воска миніатюрный барельефъ, длиной не болѣе пяти вершковъ, на которомъ помѣщалось около ста фигуръ людей, слоновъ и лошадей величиной въ три четверти дюйма. Барельефъ этотъ изображалъ въѣздъ Александра Македонскаго въ Вавилонъ, на богатой колесницѣ, которую везутъ два слона, на спинахъ слоновъ, стоя, сидя и лежа играютъ музыканты; впереди идутъ побѣжденные владыки и вожди, по сторонамъ несутъ на носилкахъ, покрытыхъ коврами, большія богато-украшенныя скульптурою вазы, жертвенники, треножники, канделябры и другія богатства, добытыя войной. За колесницею идутъ конныя и пѣшія войска. Шествіе это вступаетъ въ Вавилонъ черезъ тріумфальныя ворота, украшенныя четырьмя коллонами дорическаго ордена, между которыми стоятъ жертвенники съ пылающимъ огнемъ, статуями, барельефами. Вдали видны зданія, наполненныя народомъ.

По окончаніи персидской и турецкой войны, по волѣ государя, графъ изобразилъ, на 12 медальенахъ, главныя побѣды. Какъ эти медальены, такъ и медальены отечественной войны, Государь приказалъ отлить изъ бронзы и отправить въ академіи художествъ: вѣнскую, берлинскую, мюнхенскую и парижскую, прося ихъ дать свое мнѣніе о достоинствахъ этихъ медальеновъ по сочиненію и выполненію.

Въ скоромъ времени Меттернихъ прислалъ графу собственноручное самое лестное письмо. Отзывы всѣхъ академій художествъ были въ такомъ же родѣ.

По повелѣнію его величества, въ новой Александровской залѣ Зимняго дворца, помѣщены, во фризѣ, въ большомъ видѣ, копіи съ медальоновъ отечественной войны, но, такъ какъ, по величинѣ залы, четырехъ не доставало, то графъ

сочинилъ и вылѣпилъ еще четыре изображающія сраженія изъ той же войны.

Кромѣ упомянутыхъ медальерныхъ раборъ графа, многія общественныя торжества, и юбилеи извѣстнѣйшихъ людей ознаменованы его медалями.

Послѣднее медальерное произведеніе графа—медальонъ на объявленіе свободы крестьянамъ всей Россіи, формы и величины медальоновъ войны 12 года, онъ изображаетъ освободителя, императора Александра II въ славянскомъ вооруженіи, въ шлемѣ и порфирѣ, озареннаго свыше лучами. Одной ногой государь попираетъ изломанное ярмо, а рукои соединяетъ стоящихъ по его обѣимъ сторонамъ боярина и крестьянина, въ знакъ ихъ неразрывнаго согласія подвизаться за одно для славы общей родины.

Съ этого медальона, на монетномъ дворѣ, выбиты медали.

Извѣстный какъ геніальный медальеръ, графъ извѣстенъ и какъ замѣчательный скульпторъ и граверъ. Въ Петергофѣ можно видѣть его нимфу, въ ростъ человѣческій, льющую воду изъ античнаго кувшина, который она держитъ рукою на лѣвомъ плечѣ.

Другая нимфа его работы, въ небольшомъ видѣ, изображаетъ дочь рѣки Пермеса, превращающуюся въ источникъ—вода льется изъ всѣхъ оконечностей ея волосъ, разсыпанныхъ по плечамъ и скалѣ, на которой она находится въ лежачемъ положеніи, съ руками, распростертыми отъ изумленія. Также замѣчательна его небольшая статуя молодого человѣка, съ перекинутой черезъ плечо длинной драпировкой, ведущимъ на тонкомъ поводѣ африканскаго льва. На выставкѣ академіи, многіе любовались высѣченнымъ графомъ изъ каррарскаго мрамора груднымъ изображеніемъ Спасителя и бюстомъ Морфея.

Двѣнадцать дверей съ четырехъ сторонъ храма Христа Спасителя, воздвигаемаго въ Москвѣ нашимъ извѣстнымъ архитекторомъ Тономъ, украшены скульптурными работами графа, сдѣланными съ замѣчательнымъ талантомъ.

Какъ граверъ, графъ доказалъ свое искусство, выгравировавши, на 63-хъ мѣдныхъ доскахъ, свою знаменитую „Душеньку“, нарисованную имъ на большихъ листахъ бумаги, въ контурахъ, перомъ. Въ изображеніи этой поэмы онъ держался изящнаго, благороднаго стиля—самаго цвѣтущаго времени Греціи—времени Перикла. Устройство комнатъ, драпировка, мебель, статуи, барельефы, украшенія царскихъ палатъ—все въ этихъ рисункахъ снято не съ антиковъ, не съ рисунковъ, но составлено самимъ графомъ, сообразно со вкусомъ и обычаями того времени Греціи, въ которое онъ перенесъ Душеньку Богдановича.

Когда былъ сдѣланъ президентомъ академіи художествъ герцогъ Лейхтенбергскій, то, по его представленію, императоръ разрѣшилъ послать по экземпляру гравированнаго изданія „Душеньки“ нѣкоторымъ изъ коронованныхъ особъ и многимъ европейскимъ академіямъ художествъ, за что отъ всѣхъ академій графъ получилъ золотыя медали перваго достоинства. Прусскій король прислалъ ему золотую медаль, которая дается за науки, и собственноручное письмо; шведскій король—орденъ полярной звѣзды съ самыми лестными отзывами о „Душенькѣ“.

Балетъ также обратилъ на себя вниманіе графа. Изучивши хореографію, мимику и балетныя танцы, онъ хотѣлъ создать изъ балета нѣчто цѣлое, художественное, осмысленное, и въ 1840 году сочинилъ и нарисовалъ перомъ въ контурахъ, на 50 большихъ листахъ, програму балета „Эолова арфа“, изъ скандинавскихъ преданій; съ позами солистовъ и группъ,—въ танцахъ, играхъ, борьбѣ, бѣгѣ, стрѣльбѣ изъ лука; съ дѣвами Морвена, воинами и бардами, играющими на арфахъ. Программа этого балета была представлена императору и всей царской фамиліи, и такъ понравилась государю, что онъ разрѣшилъ поставить Эолову арфу на сцену большого с.-петербургскаго театра. Директоръ театра нашелъ постановку такого обширнаго балета слишкомъ дорогою, и балетъ данъ не былъ. Затѣмъ графъ сочинилъ и нарисовалъ перомъ въ

контурахъ программу другого балета, на 48 листахъ, подъ названіемъ „Нимфа Эхо“, съ позами, танцами и декораціями, сюжетъ котораго заимствовалъ изъ греческой миѳологіи.

Въ 1848 году, подъ предсѣдательствомъ графа, устроено было, при академіи художествъ, мозаическое заведеніе, по художественной части, изъ котораго были доставлены въ комиссію построенія Исаакіевскаго собора четыре колоссальные образа, мозаической работы.

Изъ трехъ картинъ, написанныхъ графомъ, двѣ были на академической выставкѣ и заслужили общее одобрѣніе.

Такая обширная, многосторонняя дѣятельность, сказано въ „обзорѣ дѣятельности графа Ѳедора Петровича Толстаго, какъ медальера“, свойственна только сильнымъ дарованіямъ и настойчивымъ характерамъ.

Послѣ изданія медальоновъ отечественной войны, положеніе графа Ѳедора Петровича стало быстро возвышаться.

1828 года, 28 ноября, онъ былъ назначенъ вице-президентомъ академіи художествъ, съ сохраненіемъ жалованья 1,500 руб. по Эрмитажу и 3,000 руб. пожизненной пенсіи, производимой изъ кабинета. Это поставило графа въ такое положеніе, которое соотвѣтствовало его положенію общественному.

Признаніе заслугъ на пути художества и улучшеніе положенія не измѣнили ни трудолюбиваго образа жизни графа, ни цѣли, къ которой онъ стремился. Его по прежнему видали, весь день до ночи, сидящимъ за кропотливой работой, за книгой, за тетрадью;—вечерами—въ кругу людей высокопросвѣщенныхъ, артистовъ и художниковъ, со взоромъ, полнымъ мысли, загорающимся въ разговорѣ объ искусствахъ.

Труды не уклоняли графа отъ участія ни въ жизни общественной, ни въ семейной, ни въ домашнихъ увеселеніяхъ. Въ обществѣ, всегда избранномъ,—онъ привлекалъ, къ себѣ какъ человѣкъ высшаго круга, свѣтской ловкостію, любезнымъ обращеніемъ, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свое рыцарское благородство.

„Дни мои на службѣ вице-президентомъ, „сказано въ его запискахъ“, текли тихо между занятіями по образованію себя, трудами по художеству и бесѣдой съ близкими мнѣ людьми. Воскресные вечера мои не прерывались, и давались иногда домашнія спектакли; на нихъ играли русскія и французскія театральныя піесы, объ исполненіи которыхъ любители искусства относились съ большою похвалой.“

Непріятности, встрѣчаемыя графомъ на пути художественномъ, не охлаждали ни его любви къ искусству, ни его дѣятельности.

Изучая античный міръ, графъ вполнѣ овладѣлъ тѣмъ бытомъ, который, изъ своей сущности, создалъ самые чистые, самые идеальные типы красоты. Подъ ихъ обаятельнымъ вліяніемъ, совпавшимъ съ эстетической натурой графа, съ его нравственнымъ чувствомъ, высоко-поднятымъ чтеніемъ великихъ писателей, и особенно любимыхъ имъ поэтовъ—Шиллера и Гёте—графъ какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ, сталъ руководится только истиннымъ, и убѣдился, что въ основу искусства должна лечь пластика и вѣрность натурѣ. Съ терпѣніемъ высокаго таланта, онъ вводилъ въ античный міръ молодыхъ художниковъ, поощряя всякое произведеніе, вѣрное натурѣ, какъ въ ландшафтѣ, такъ и въ изображеніи обыденной жизни; объяснялъ какъ удовлетворять эстетическимъ требованіямъ дѣйствительности, устраняя все искусственное, одностороннее,—и явился самъ не только указателемъ медальернаго искусства, но и организаторомъ пластической школы русскихъ художниковъ.

Много было борьбы, при развитіи школы русскаго искусства, замѣчено въ запискахъ графа. Даже было подвержено сомнѣнію существуетъ ли она. Въ ней не было опредѣленнаго направленія. Графъ, указавши на жалкое состояніе медальернаго искусства, указалъ и на отсутствіе самостоятельной идеи въ русской школѣ художествъ—внесъ въ нее идею пластики; пятдесятъ лѣтъ былъ ея энергическимъ защитникомъ и сдѣлался живымъ центромъ ея развитія. Имъ русская школа была

образована, имъ поддержана, въ его глазахъ достигла того положенія, что Европа признала за ней самостоятельность, дала ей мѣсто въ общей исторіи искусства, и Россія съ гордостію указала на многія имена художниковъ, которыя стоятъ на ряду съ европейскими представителями искусствъ и дороги русскому народу.

„Спустя 4 года, по смерти первой жены, графъ женился во второй разъ и продолжалъ вести прежній образъ жизни.

Также какъ и прежде, по воскресеньямъ, собирались у нихъ знакомые, и также часто любителями разыгрывались на домашнихъ спектакляхъ русскія и французскія піесы. Кромѣ комедій, разыгрывались и серьезныя драммы, какъ-то: „Продавецъ игрушекъ, Она помѣшанная, Жена художника, Мальтійскій кавалеръ, Теридатъ, Дипломатія жены. Всѣ піесы шли превосходно, съ такой вѣрностію и чувствомъ, что драмы приводили всѣхъ въ слезы. Небольшая сцена театра была устроена въ обширной залѣ извѣстнымъ декораторомъ большаго театра, Роллеромъ.

По кончинѣ А. Н. Оленина, президентомъ академіи художествъ сдѣланъ былъ герцогъ Лейхтенбергскій, красивый и очень богатый молодой человѣкъ, женатый на великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ; онъ былъ добръ, образованъ и деликатенъ, сказано въ запискахъ графа. Курсъ ученья герцогъ кончилъ въ университетѣ, и особенно любилъ химію; у него во дворцѣ была небольшая лабораторія, въ которой онъ занимался каждый день, по утрамъ, съ однимъ полковникомъ горнаго корпуса.

Герцогъ очень любилъ графа, обращался съ нимъ дружески и почти каждый день въ своемъ кабинетѣ по долгу съ нимъ разговаривалъ объ искусствѣ, мастерствахъ и о своей любимой наукѣ—химіи.

Графъ былъ чрезвычайно преданъ герцогу и глубоко сожалѣлъ о его рановременной кончинѣ, послѣдовавшей въ 1852 году—отъ чахотки. На мѣсто герцога, президентомъ ака-

деміи художествъ сдѣлана была супруга его, великая княгиня Марія Николаевна.

Государь Николай Павловичъ былъ такъ милостиво расположенъ къ графу, что, несмотря ни на какія старанія нѣкоторыхъ лицъ удалить его изъ академіи, сказалъ: „Толстой родился вице-президентомъ академіи художествъ и умретъ имъ“. Онъ и остался вице-президентомъ академіи художествъ до конца царствованія императора Николая Павловича.

Въ 1854 году, 9 іюня, былъ празднованъ академіей 50-ти лѣтній юбилей графа академиками и всѣми художниками. Графу былъ поднесенъ большой серебряный кубокъ и въ честь его выбита медаль съ надписью: въ память пятидесяти лѣтняго служенія царю, отечеству и искусствамъ. Конференцъ-секретарь прочелъ привѣтственное письмо великой княгини Маріи Николаевны графу, какъ отъ президента академіи. По болѣзни, она не могла присутствовать лично.

Въ этомъ же году, 17 декабря, былъ данъ графу второй обѣдъ, по случаю этого же 50-ти лѣтняго юбилея—въ залѣ общества Шахматнаго клуба, художниками, литераторами и артистами.

Въ богато-убранной залѣ былъ накрытъ большой столъ, и, когда заняли всѣ мѣста, адмиралъ П. И. Рикордъ хотѣлъ предложить тостъ за здоровье графа Ѳ. П. Толстого, но онъ остановилъ его и сказалъ: хотя мы собрались здѣсь въ небольшой дружескій кружокъ, но какъ онъ ни малъ, а все таки составляетъ звено горячо-любящихъ сердецъ нашей матери—Россіи, охраняемой нашимъ общимъ отцемъ—и первый тостъ долженъ быть произнесенъ за здравіе его императорскаго величества и всей августѣйшей фамиліи. Вслѣдъ за тостомъ было повторено нѣсколько разъ „ура“, и всѣми пропѣто „Боже царя храни“.

Затѣмъ П. И. Рикордъ поднялъ бакалъ въ честь графа

Толстого, пошли рѣчи, тосты—стихи; графу поднесенъ былъ лавровый вѣнокъ и между прочими стихами В. Г. Бенедиктовъ сказалъ:

На берегу Невы державной
Есть храмъ, искуства—свѣтлый храмъ:
Оно, свершая путь свой славный,
Судилось и вѣнчалось тамъ.
Въ обычный срокъ, тѣснясь у входа,—
Со всѣхъ сторонъ толпы народа
Текутъ стремительно туда—
Взглянутъ на новыя творенья,
Плоды родного вдохновенья
И благодатнаго труда.

* * *

Давно въ рядахъ картинъ и статуй
Созданья блещутъ тамъ твои,
Младыхъ художниковъ вожатый
И другъ ихъ творческой семьи.

. . . . . .

* * *

Художникъ славный! Ты достоенъ
Не разъ поклона и вѣнца;
Во всемъ талантъ тобой усвоенъ,
Хозяинъ кисти и рѣзца!
Изъ подъ руки твоей свободной
Рисунокъ смѣло—благородный
Волшебной падаетъ волной.
Текутъ изгибы формъ и линій
И проникаются святыней,
И блещутъ жизнью не земной...
Струями огненными пышетъ,
Холстъ подъ рукой твоей горитъ,
Трепещетъ глина, мраморъ дышетъ,
Медаль съ потомствомъ говоритъ.

1855 году, 18 февраля, кончилъ жизнь императоръ Николай Павловичъ. Графъ Ѳ. П. глубоко любилъ и уважалъ государя и горько оплакалъ Его.

По кончинѣ государя, по представленію великой княгини Маріи Николаевны, Императоръ Александръ Николаевичъ

сдѣлалъ графа, въ видѣ почета, товарищемъ президента, для отдыха отъ его долголѣтней службы, какъ самъ выразился.

15 мая 1859 года, снова дружно праздновался пятидесяти-лѣтній юбилей графа Толстого. Въ девять часовъ вечера собрались въ назначенное мѣсто до 40 человѣкъ литераторовъ, художниковъ, ученыхъ, артистовъ.

За ужиномъ, прежде заздравнаго тоста, былъ прочтенъ общій обзоръ художественной дѣятельности графа. Громкія рукоплесканія прерывали чтеніе—чтеніе началось словами:

„Завидна доля человѣка, на юбилейномъ праздникѣ котоваго не найдти приличнѣе слова, какъ добросовѣстная характеристики его же самаго. Мы присутствуемъ на юбилеѣ именно такого человѣка! (рукоплесканія). Пятдесятъ лѣтъ тому назадъ онъ совершилъ во имя искуства подвигъ искупленія общественныхъ предразсудковъ, и подвигъ мысли. Теперь онъ видитъ плодъ своего подвига въ успѣхахъ нашего русскаго искусства. Это совпаденіе 50 лѣтней художественной дѣятельности графа, съ самостоятельнымъ развитіемъ искусствъ въ Россіи было не случайное. Въ труды смѣнявшихся многихъ и многихъ поколѣній учениковъ академіи, постепенно достигавшихъ художественной зрѣлости и основавшихъ русскую школу пластическихъ искусствъ, онъ вносилъ свое эстетическое начало, свое жизненное пониманіе прекраснаго“.

„Устраняя, на сколько могъ, изъ русской школы все условное, одностороннее, все анархическое и героглифическое, такимъ образомъ, спасая ее отъ одностороннихъ увлеченій, проявившихся въ западномъ искусствѣ XIX вѣка, онъ честно и сильно содѣйствовалъ тому, что русское искусство наконецъ завоевало себѣ обще-европейское образованіе“.

„Взглянувъ на трудолюбіе графа, которое не утомляется ни лѣтами, ни обстоятельствами жизни, на это вѣчное присутствіе мысли въ головѣ, украшенной сѣдинами—становится стыдно праздности“.

„Искусство, литература, общество обязаны графу не только уваженіемъ, которое есть только должное, но и сознаніемъ, что онъ лично незамѣнимо необходимъ для искусствъ, для литературы и для общества, что не найти другого графа Толстаго (рукоплесканія).

Послѣ рѣчи, графу поднесли лавровый вѣнокъ, перевязанный бѣлой атласной лентой, на которой золотыми славянскими буквами было написано: 1809—1859, польза, честь и слава.

Громкое, продолжительное „ура!“ сопровождало заздравный тостъ.

Тронутый до слезъ графъ, въ теплыхъ словахъ, благодарилъ общество за эту отраднѣйшую минуту въ его жизни.

Затѣмъ натуралистъ Н. А. Сѣверцовъ прочелъ слѣдующіе стихи.

Тому пятдесятъ лѣтъ
Совсемъ иной былъ вѣкъ,
Лишь меценатомъ могъ быть знатный человѣкъ,
Искусствомъ графство унижалось.

Тогда искусству вы служили,
Трудились крѣпко, какъ плебей,
И спѣсь враждебную смѣнили
Античной прелестью своей.

И вотъ теперь пора иная:
Искусство въ славѣ, барства нѣтъ.—
Предтечѣ—мы, семья младая,
Приносимъ искренній привѣтъ.

Послѣ этого было произнесено много рѣчей, много было тостовъ. Ужинъ кончился, когда уже высоко взошло солнце надъ горизонтомъ. На душѣ у каждаго было свѣтло и ясно.

1873 года, 13 апрѣля, графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой окончилъ жизнь.

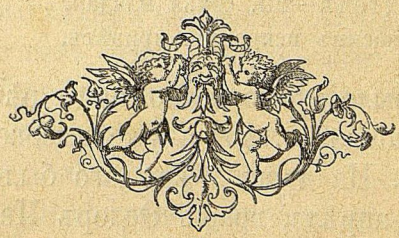
Четыре поколѣнія русскаго общества чтили въ графѣ талантъ, просвѣщенный умъ и благороднѣйшее сердце. Импе-

раторская академія художествъ справедливо гордится своимъ патріархомъ; славнѣйшія академіи искусствъ въ Европѣ издавна предоставили въ средѣ своихъ сочленовъ почетное мѣсто графу-художнику, разнообразіе таланта, котораго было поразительно; онъ былъ прекрасный живописецъ акварелью и масляными красками, дивній скульпторъ, неподражаемый граверъ на мѣди и геніальный представитель медальернаго искусства, какого едва-ли оно когда либо имѣло.

Въ лицѣ графа-художника, медальерное искусство явилось въ полномъ блескѣ, опредѣлилось не какъ простое ремесленное мастерство, а какъ художественное знаніе, въ которое входятъ всѣ науки, помогающія самостоятельному развитію мышленія.

Память такого человѣка можетъ служить поучительнымъ урокомъ, не только для тѣхъ, которые только учатся, но и для тѣхъ, которые распоряжаются обученіемъ. Исторія русской образованности—укажетъ на графа Ѳ. П. Тостого, не только какъ на геніальнаго медальера, но и какъ на разительный примѣръ, проложившій путь къ реформамъ, какъ на представителя школы пластическихъ искусствъ и отца медальернаго искусства, и помѣститъ имя его въ ряду именъ замѣчательныхъ, а искусство вѣроятно, почтитъ могилу его памятникомъ, который онъ вполнѣ заслужилъ.

* * *



ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ ВЪ РИМѢ.

1845 года, 1-го декабря, въ 4 часа утра, пріѣхалъ въ Римъ императоръ Николай Павловичъ и остановился въ домѣ русскаго посланника Бутенева. Переодѣвшись въ полную казацкую форму, онъ поѣхалъ съ визитомъ къ папѣ; папа вышелъ изъ своего кабинета на встрѣчу государя; они сошлись по срединѣ комнаты; государь хотѣлъ поцѣловать у папы руку, но папа не допустилъ: они обнялись и поцѣловались. Папа пригласилъ государя къ себѣ въ кабинетъ. Отъ папы императоръ посѣтилъ принца Ольденбургскаго, а отъ него пріѣхалъ въ Ватиканъ, прямо въ церковь святого Петра, куда тотчасъ отправился и графъ Толстой, который въ это время также находился въРимѣ, гдѣ человѣкъ до тридцати пансіонеровъ нашей академіи художествъ имѣли свои мастерскія и казенное содержаніе, котораго могли лишиться а вмѣстѣ съ этимъ лишится и возможности продолжать свои занятія. Начальникъ пансіонеровъ, по неудовольствію на пансіонеровъ, распространялъ о нихъ дурную славу и хотѣлъ довести это до государя. Графъ рѣшился спасти художниковъ—и спасъ. Отправляясь въ Ватиканъ, онъ предварительно сказалъ пансіонерамъ, чтобы и они тамъ находились. Въ церкви Ѳедоръ Петровичъ узналъ, что государь уже тамъ, у гроба св. Петра, и взялъ на себя право представить императору пансіонеровъ академіи. Онъ поставилъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ въ сторонѣ, а самъ сталъ противъ лѣстницы, по которой государь долженъ былъ выходить въ церковь. Вошедъ наверхъ,

государь тотчасъ увидалъ графа, остановился и, протянувъ къ нему обѣ руки, сказалъ:

— „Какъ! и ты здѣсь, Толстой? какими судьбами? Никакъ не ожидалъ тебя видѣть". Потомъ подошелъ къ графу и крѣпко пожалъ ему руку, говоря; „какъ я радъ, что съ тобой здѣсь встрѣтился".

Графъ попросилъ у государя позволенія представить ему нашихъ пансіонеровъ. Государь подошелъ къ нимъ и, ласково привѣтствуя, сказалъ:—„а, это наши! очень радъ" и обратясь къ графу, смѣясь, замѣтилъ: „надѣюсь, не лѣнятся?" Графъ отвѣчалъ,—всѣ трудятся прилежно. „Хорошо,—сказалъ государь,—увидимъ и опредѣлимъ", потомъ, взявши графа черезъ плечо, пошелъ съ нимъ осматривать церковь, говоря: „радъ, очень радъ, что тебя вижу; у меня тебѣ будетъ много работы".

Съ другой стороны государя шелъ приставленный къ нему папою ученый антикварій Висконти.

Ходя по церкви, разговаривая съ графомъ и разсматривая капеллы, императоръ заказывалъ копіи съ образовъ и вещей, которыя ему нравились; постоянно обращался къ мнѣнію графа и былъ къ нему безконечно милостивъ и привѣтливъ.

Осмотрѣвши все внутри базилики, государь раскланялся со всѣми и уѣхалъ съ посланникомъ въ его коляскѣ.

Государь осматривалъ церковь въ партикулярномъ сюртукѣ и, выходя, надѣлъ сѣроватое пальто.

Въ воскресенье императоръ слушалъ обѣдню въ посольской церкви. Графу сказано было, чтобы онъ тотчасъ ѣхалъ въ Ватиканъ и дожидался царя на крыльцѣ Ватикана. На площади, на лѣстницѣ базилики, въ самой церкви и на крыльцѣ, было такое огромное стеченіе народа, что, когда пріѣхалъ государь, то трудно было до него добраться. Гвардія въ своихъ костюмахъ, вполнѣ гармонировавшихъ со стариннымъ зданіемъ церкви, и карабинеры, не привыкшіе распоряжаться большимъ стеченіемъ публики, не могли удержать напора толпы. Проводникомъ при царѣ былъ тотъ же Висконти; онъ повелъ государя прямо на крышу базилики. Передъ входомъ на крышу, царя встрѣтилъ кардиналъ, начальникъ Ватикана и сопровождалъ его во все время осмотра. Съ государемъ вошло на крышу до 20 человѣкъ, въ томъ числѣ были три пансіонера. Съ крыши онъ любовался открывши-

мися видами и со всѣми замѣчаніями обращался къ графу Ѳ. П., который долженъ быть находиться постоянно подлѣ него. По удобнымъ каменнымъ лѣстницамъ они вошли на галлерею, съ которой ихъ повели, по внутренней лѣстницѣ, на самый верхъ купола, въ стоящій на немъ фонарикъ, внутри котораго идетъ также кругомъ галлерея. Графъ Ѳ. П. послѣдовалъ за царемъ на эту галлерею, такую узенькую, что два человѣка едва могутъ разойтиться на ней. Съ этой высоты ничего нельзя было различить внизу,—виднѣлись только движущіяся точки. На верхъ фонарика за царемъ вошли: графъ, посланникъ и одинъ изъ адъютантовъ. Государь съ Виконти поднялся въ яблоко, написалъ тамъ свое имя и тотчасъ же возвратился; графъ едва успѣлъ взглянуть во внутрь огромнаго шара и прочесть его подпись. Возвратясь, государь сказалъ, что, подписываясь подъ начертанными тамъ именами, онъ случайно подписался подъ именемъ наслѣдника цесаревича.

Сошедъ на кровлю, государь много шутилъ надъ тѣми, которые были не въ состояніи подняться выше. На крышѣ онъ сказалъ графу:

— Я всегда бранюсь съ нашими молодыми архитекторами, что они худо кладутъ кирпичи, не связываютъ ихъ плотно и оставляютъ слишкомъ большіе швы; вотъ тебѣ доказательство, что я правъ: посмотри, какъ здѣсь положенъ кирпичъ.

Графъ отвѣчалъ, что твердость этихъ зданій зависитъ не отъ кирпичей и не отъ кладки, а отъ здѣшняго цемента и климата, что съ здѣшнимъ цементомъ и плашмя поставленный кирпичъ къ кирпичу, высохнувши, будутъ крѣпко держаться.

Государь съ этимъ не согласился.

На крышѣ начальникъ Ватикана пригласилъ государя и всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ домикъ или, скорѣе, бесѣдку, временно устроенную, къ приготовленному тамъ завтраку. Домикъ этотъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій. Въ одномъ, за столомъ, довольно роскошно убраннымъ, завтракалъ государь съ начальникомъ Ватикана, Висконти и двумя приглашенными учеными. Въ другомъ отдѣленіи, за столомъ, также роскошно убраннымъ, сидѣли кн. Волконскій, принцъ Ольденбургскій, графъ Орловъ, посланникъ, графъ Ѳ. П. Толстой, В. Ѳ. Адлербергъ и остальные изъ свиты государя.

Завтракъ состоялъ изъ бульона въ чашкахъ, съ маленькими пирожками, маіонеза изъ рыбы, превосходно приготовленнаго, и множества всякаго рода сладкихъ пирожныхъ, фруктовъ, конфектъ, вареній, разныхъ винъ и шампанскаго.

Съ крыши они отправились въ античныя галлереи Ватикана—въ эти пышныя палаты, украшенныя картинами и статуями геніальныхъ художниковъ, куда люди со всего міра стекаются на поклоненіе изящнымъ произведеніямъ, передъ которыми останавливаются съ благоговѣніемъ и отъ которыхъ отходятъ тронутыми, восхищенными. Государь обошелъ всѣ галлереи и былъ въ восторгѣ отъ находившихся тамъ картинъ и статуй; онъ поручилъ графу заказать съ нѣкоторыхъ статуй формы для нашей академіи и скопировать нѣсколько картинъ.

Осмотрѣвши все, государь откланялся и уѣхалъ. Орловъ сказалъ графу, что государь приглашаетъ его къ своему обѣду.

За столомъ императоръ больше всѣхъ говорилъ съ неаполитанскимъ посланникомъ;—разсказывалъ, какъ онъ пріятно провелъ время въ Палермо и Неаполѣ и какъ доволенъ пріемомъ ихъ короля; упоминалъ о прелестныхъ видахъ Неаполя и его окрестностей, о Помпеѣ и Геркуланумѣ, объ устроенныхъ для него маневрахъ, похваливъ ихъ; восхищался Ватиканомъ и хвалилъ его, разумѣется, искреннѣе, нежели маневры. Когда посланникъ замѣтилъ, что вѣроятно, его величество утомился отъ прогулки въ Ватиканѣ, государь отвѣчалъ:

— Совсѣмъ нѣтъ;—я готовъ сейчасъ же повторить этотъ походъ, только немного клонитъ ко сну.

Послѣ обѣда, напившись кофе, посидѣвши въ гостиной и поговоривши съ полчаса, государь раскланялся и ушелъ во внутренніе покои. Всѣ разошлись по домамъ.

3-го декабря 1845 г., въ 9 часовъ утра, графъ Ѳ. П. отправился во дворецъ посланника, гдѣ остановился императоръ, чтобы сопровождать его въ Palazzo Farnese.

Изъ Palazzo Farnese поѣхали опять въ Ватиканъ смотрѣть Рафаэлевы ложи и его комнаты. Государь очень сожалѣлъ, что ложи почти совсѣмъ пропали. Кто-то заговорилъ, что теперь онѣ находятся въ Петербургѣ *). На это государь сказалъ:

*) „Благодаря великой Екатеринѣ,—говоритъ графъ Ѳ. П.,—у насъ тоже будутъ существовать ложи Рафаэля. Она приказала ихъ скопировать для Эрмитажа. Еще часть Рафаэлевыхъ ложъ превосходно скопирована масляными красками, по заказу графа Александра Сергѣевича Строгонова.

РИМЪ.

— Лучше, еслибы онѣ остались здѣсь.

Въ комнатахъ Рафаэля онъ отмѣтилъ списать нѣкоторыя фигуры потолка, а въ картинной галлереѣ — стоящія тамъ три картины Рафаэля.

Въ другихъ залахъ его величество также повелѣлъ скопировать нѣкоторыя картины и опять всѣмъ восхищался, особенно же работою Микель-Анджело, въ Сикстинской капеллѣ.

Императору показывали все, что только стоило видѣть въ Ватиканѣ, водили по заламъ, которыя никогда никому не открывали даже и по билетамъ. Проходили залу ковровъ, галлерею географическихъ картъ, сводъ которой украшенъ съ такимъ вкусомъ, что государь велѣлъ срисовать его нашимъ архитекторамъ; кромѣ того, любовался собраніемъ этрусскихъ вазъ и египетскихъ древностей. Изъ залы географическихъ картъ перешли въ библіотеку — одну изъ значительнѣйшихъ въ свѣтѣ. Кромѣ книгъ и рукописей, въ ней видѣли старинные образа, съ греческими и славянскими надписями.

Изъ библіотеки снова обошли всѣ капеллы церкви св. Петра. Графъ Ѳедоръ Петровичъ не могъ отлучиться ни на минуту отъ государя, который постоянно обращался къ нему съ вопросами и распоряженіями. Когда они подошли къ бронзовому балдахину надъ главнымъ алтаремъ, государь сказалъ ему:

— Я нахожу, что эта вещь здѣсь неумѣстна и вредитъ величію церкви, такъ же какъ и стекло надъ алтаремъ, съ прозрачнымъ изображеніемъ св. Духа. Оно неприлично такой базиликѣ, какъ базилика св. Петра.

„Его величество былъ совершенно правъ“, замѣчаетъ Толстой.

Когда графъ сказалъ государю, что этотъ бронзовый балдахинъ одной величины съ Зимнимъ дворцомъ, то онъ не хотѣлъ вѣрить. Висконти подтвердилъ слова Ѳедора Петровича.

Изъ Ватикана всѣ отправились во дворецъ Цезарей: государь долго разсматривалъ со вниманіемъ богатые, величественные остатки дворцовъ римскихъ императоровъ и сдѣлалъ вторичные заказы.

4-го декабря, въ 10 часовъ утра, императоръ поѣхалъ съ графомъ Ѳедоромъ Петровичемъ осматривать студіи нашихъ

художниковъ. Прежде всѣхъ они посѣтили мастерскую художника Иванова (живописца). Студія Иванова была обширна, хороша и съ прекраснымъ освѣщеніемъ. Онъ писалъ тогда свою огромную картину, изображающую Іоанна Крестителя въ пустынѣ, проповѣдующаго толпѣ народа „жизнь новую"; фигуры, на первомъ планѣ, въ ростъ человѣческій, Іоаннъ и окружающаю его группа фигуръ, въ томъ числѣ двѣ совсѣмъ обнаженныя, подвигались къ окончанію; многое было въ подмалевкахъ, остальное еще въ контурахъ.

Пейзажъ, прекрасный, былъ уже много подвинутъ впередъ. По стѣнамъ мастерской было развѣшано множество этюдовъ—съ изображеніями: деревьевъ, кустарниковъ, камней, снятыхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ Италіи для пейзажа его картины, также и этюды головъ. Государь былъ очень доволенъ картиною Иванова, разсматривалъ его этюды и обошелся съ нимъ чрезвычайно милостиво. Кто-то изъ присутствовавшихъ замѣтилъ, что тутъ слишкомъ много надѣлано этюдовъ, государь на это сказалъ:

— Иначе и нельзя, чтобы написать хорошо картину. Выходя изъ мастерской, онъ сказалъ Иванову:

— Оканчивай,—картина будетъ славная.

Императоръ Николай Павловичъ любилъ и понималъ искусство.

Отъ Иванова государь поѣхалъ въ студію скульптора Ставассера, пришелъ въ восхищеніе отъ вылѣпленной имъ статуи Нимфы съ сатиромъ, и сказалъ:

— Прекрасно! сдѣлай мнѣ ее изъ мрамора.

Отъ Ставассера проѣхали въ мастерскую Климченко.

По пути отъ Климченки, проѣзжая мимо Капитолія, остановились и любовались этимъ величественнымъ зданіемъ; потомъ, объѣхавши кругомъ Forom-Romano, выбрались за городъ, гдѣ осмотрѣли церковь St. Paulo, строившуюся каторжными въ цѣпяхъ; одинъ изъ нихъ, опустясь на колѣни, подалъ прошеніе государю; этого несчастнаго мгновенно схватили, и онъ исчезъ. Прошеніе государь принялъ и передалъ гр. В. Ѳ. Адлербергу. Каждый выѣздъ царя подавали ему просьбы, даже бросали въ коляску.

Затѣмъ заѣхали они въ церковь St Gioivan Laterano и осмотрѣли находящійся въ Латеранскомъ дворцѣ музеумъ; далѣе осмотрѣли базилику Maria Maggori. Проѣзжая Колизей, императоръ и всѣ бывшіе съ нимъ вышли изъ коля-

ски—взглянуть на эти великолѣпныя развалины. Въ базиликѣ Колизея царя встрѣтилъ кардиналъ со всѣми священниками, показалъ ему церковь и все, что тамъ есть примѣчательнаго. Императоръ поручилъ графу Толстому сдѣлать нѣкоторые заказы.

Изъ Колизея государь хотѣлъ посѣтить мастерскія иностранныхъ художниковъ, но графъ упросилъ его прежде посѣтить студію нашего скульптора Рамазанова.

Посѣтивши еще нѣсколько студій — вечеромъ государь приготовился ѣхать въ Ватиканъ, гдѣ приготовили для него освѣщеніе въ галлереѣ статуй.

Государь приказалъ графу привести туда всѣхъ нашихъ пансіонеровъ. Толпа посѣтителей была такъ велика, что они, только при помощи директора скульптурнаго музеума Ватикана, едва добрались до первыхъ галлерей, гдѣ должны были дожидаться прибытія государя. Вскорѣ прибылъ и государь съ своею свитой; по обѣ стороны шли съ факелами люди, назначенные освѣщать галлерею, одѣтые въ средневѣковой костюмъ—малиновыя полукуртки съ откинутыми назадъ длинными рукавами. Всѣ корридоры галлерей освѣщались высокими восковыми свѣчами. Когда пришли въ галлерею античныхъ статуй, то каждую статую стали освѣщать порознь приготовленными свѣтильниками изъ восковыхъ свѣчей съ полированными сзади жестяными реверберами. Графъ находилъ это освѣщеніе неудовлетворительнымъ и говорилъ, что газомъ было бы лучше; сверхъ того, дѣйствію освѣщенія сильно мѣшала набившаяся толпа посѣтителей. Комната египетскаго музеума, въ глубинѣ которой стоитъ вырубленная изъ красноватаго порфира статуя Изиды, освѣщена была еффектнѣе всѣхъ остальныхъ комнатъ. Налюбовавшись этимъ зрѣлищемъ, стали разъѣзжаться. Государь уѣхалъ первый, за нимъ и остальные,

5-го декабря архитекторы и граверы положили свои работы въ кабинетъ его величества, для разсмотрѣнія ихъ.

Графъ Ѳ. П. отправился въ пріемную императора, гдѣ находились и архитекторы. Тамъ они ожидали государя, который былъ у папы, чтобы простится съ нимъ. Вернувшись отъ папы, онъ переодѣлся въ сюртукъ, призвалъ архитекторовъ къ себѣ въ кабинетъ, расхвалилъ ихъ, дѣйствительно превосходныя работы, и высказалъ имъ столько привѣтствій, что они были внѣ себя отъ радости.

Переговоривши съ архитекторами, императоръ поѣхалъ въ Пантеонъ, въ сопровожденіи Висконти, графа Толстого и двухъ нашихъ молодыхъ архитекторовъ: Рѣзанова и Бенуа. Пантеонъ государю чрезвычайно понравился, несмотря на то, что это величественное древнее зданіе испорчено фанатиками-папами. Обратясь къ графу Ѳ. П., государь сказалъ:

— Не правда ли,—что что ни дѣлай съ зданіемъ, построеннымъ въ хорошихъ пропорціяхъ, оно всегда останется прекраснымъ?

Отъ Пантеона они проѣхали къ термамъ Каракалы. Осматривая огромныя развалины его дворца и бань, Императоръ говорилъ съ Рѣзановымъ и Бенуа долго и милостиво, и внимательно ихъ выслушивалъ. Они объяснили ему всѣ подробности этихъ развалинъ со временъ Каракаллы, по остаткамъ представляли, какое расположеніе было этихъ термъ и бань, и что, частію соотвѣтственно вкусу духа времени, частію по образцу другихъ зданій того же историческаго періода, можно довольно вѣрно опредѣлить самые фасады этихъ зданій. Объясняя постройку термъ Каракаллы, они говорили и вообще о древнихъ остаткахъ Рима такъ основательно и хорошо, что показали себя не только знающими свое дѣле, но и вполнѣ образованными людьми. Нѣкоторые изъ молодыхъ флигель-адъютантовъ обступили юныхъ художниковъ съ вопросами; они отвѣчали дѣльно, не только о термахъ, въ которыхъ находились, но и о древнемъ состояніи самой римской имперіи, о ея столицѣ, Неаполѣ и другихъ городахъ Италіи, примѣчательныхъ памятниками исторіи, археологіи и искусствъ.

Государь каждый день дѣлалъ эту прогулку передъ обѣдомъ.

5-го декабря, въ часъ ночи, императоръ Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Рима.

Т. Пассекъ.

„Изъ дальнихъ лѣтъ“.

РИМСКІЕ КРЕСТЬЯНЕ.

Редакторъ-издательница Т. ПАССЕКЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 августа 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.